

СИМОНА СОЙЕР

ЧУШЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Симона Сойер

Чушь

<https://litres.ru/74672904>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ханна — редактор, которая читает людей как тексты. Выверенный график и доберман, который слушается с одного жеста. Она привыкла держать под контролем все. Даже себя. Пока четырнадцатого февраля к ней без звонка не приезжают двое.

Один за другим — и никто из них не собирается уходить первым. Ник — холодный, собранный, никогда не повышает голос и всегда получает то, что хочет. Тед — дерзкий, прямой, говорит то, о чем другие молчат, и улыбается так, что спорить бесполезно. Такие разные. И оба пришли к ней.

Бар, пара коктейлей. Не больше двух. Не больше трех. А дома — коробка пирожных под розовым бантом. И Тед, который тянет за ленту и погружает пальцы в крем.

Ханна не хочет выбирать. «Это секс, не татуировка и не изменение личности».

Они просят ее только об одном — отпустить контроль. Она соглашается.

МЖМ. 18+.

Содержание

Глава 1. Трое	4
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Симона Сойер

Чушь

Глава 1. Трое

Все трое сидели полукругом на большом кожаном диване посреди гостиной. Ханна специально заняла место с краю, чтобы видеть лица своих гостей.

Тед сидел прямо напротив, уперев локти в колени и сцепив руки перед собой. Смотрел в одну точку, в центр низкого стеклянного стола. Хмурился.

Ник — в полуметре от нее, рядом, но не слишком близко. До прихода Теда он раскинулся посередине дивана, привалившись к спинке. Теперь же скрестил руки на груди и молчал, а спустя минуту и вовсе уткнулся в телефон.

Ханна провела ладонью по шее.

Разве они не друзья? Ну точно хорошие знакомые... Так почему же они сидят и молчат?!

Ник нагрянул первым — без звонка, без смс — и теперь

восседал так, словно застолбил территорию. Территорию дивана. В углу на круглом журнальном столике стоял его букет — нежно-розовые пионы, еще не раскрывшиеся.

Тишина затягивалась. Тед поглядывал исподлобья на Ханну, потом водил глазами по стенам — будто что-то там высматривал.

По ее спине сползла капля пота.

Так прошло минут десять. По ощущениям все двадцать.

В другом углу, на лежанке за телевизором, расположился Эрик. Черный доберман положил морду на лапы и молча двигал рыжими бровями, глядя то на одного незваного гостя, то на другого. Изредка задерживал взгляд на хозяйке, будто спрашивал: это вообще нормально?!

Ханна поняла, что так они могут просидеть до ночи. Да, она не ждала сегодня ни одного, ни другого, но они уже были здесь. И, судя по всему, никто не собирался уходить первым. Или начинать разговор.

Да и прогонять их было бы глупо. Просто не за что. Если бы не появился Ник, а за ним Тед, то после прогулки с собакой она бы устроила себе спа-вечер — набрала ароматную ванну, зажгла благовония, а после валялась бы на этом

самом диване, дочитывая последние сто страниц романа. А ближе к ночи, возможно, присоединилась бы к вылазке подружек — Одри как раз упоминала, что они всей компанией собираются в бар.

Ханна хлопнула ладонями по коленям и, сдерживая смешок, который давно просился наружу и с каждой секундой грозился вырваться, медленно приподняла уголок губ и взяла со стола телефон. Движение сразу перетянуло на себя все взгляды. Должно быть, оба решили, что ей стало скучно — и теперь она тоже уйдет в экран.

Ханна внутренне ухмыльнулась.

Мужчины...

Но вместо того чтобы открыть соцсети, она подключилась к колонке. Включила плавный джаз и тут же сменила его на поп-композицию. Не хватало еще, чтобы всех окончательно сморило.

Эрик так и лежал в своем углу, следя за каждым ее движением.

Ханна встала, и две пары глаз мигом метнулись за ней.

— Кофе? Как раз собиралась сварить себе.

Молчание.

Ник коротко кивнул.

— Какой? Терпкий, мягкий, с молоком или без?

— Американо.

Она перевела взгляд на Теда.

— С молоком.

Первые слова за десять минут. Отлично, молодцы.

Улыбка расплзлась по лицу, и Ханна не стала ее сдерживать.

Прошла на смежную с гостиной кухню, с шумом достала чашки, включила кофемашину. Пока кофе готовился, решила немного разрядить обстановку. Все-таки они у нее в гостях, а значит, играть будут по ее правилам. Самое время показать, кто тут хозяйка.

Захватила кость для Эрика и вернулась в гостиную.

Пусть посмотрят, кто здесь хороший мальчик.

Ханна цокнула пару раз. Эрик поднялся с лежанки и вы-

шел в центр гостиной — собранный, сосредоточенный. Пожалуй, сосредоточеннее ее гостей. Она подняла руку, не произнося ни слова, — пес сел. Следующий жест — и Эрик склонился в поклоне, опустив морду к передним лапам. Еще один — вновь встал.

Она цокнула еще раз, и Эрик коротко и громко гавкнул. Но кость Ханна не отдала. Положила перед ним и ушла. Доделывать кофе.

Неспешно достала из холодильника пакет молока и добавила в две чашки из трех.

Ханна принесла поднос в гостиную и, перед тем как поставить его на стол, осмотрелась. Ник уже не сидел в телефоне. А Тед не сводил взгляда с пса, который не двигался, лежа рядом с костью.

Она расставила чашки и направилась на кухню за сахаром. Уже вполоборота, не глядя на пса, спокойно произнесла: «Можно».

Эрик молниеносно схватил кость и захрустел.

— Ебать он у тебя выдрессирован. — Тед поднес чашку к губам и сделал глоток.

Ханна вернулась и поставила сахарницу на стол. Не выдавая эмоций, сухо произнесла:

— Да, он хороший мальчик.

Тед чуть не поперхнулся. Ник спрятал улыбку в чашке с американо.

Ханна ощутила послевкусие и силу своих слов. Продуманных заранее.

Тот, кто ведет себя послушно, получит ее одобрение.

Эти двое, кажется, слегка расслабились. И вдруг заговорили разом:

— Ты давно с ним занимаешься?

— Сколько ему лет?

Ханна сделала первый глоток кофе и только потом ответила. Эрику четыре, занимается с ним с первого дня, как забрала щенком.

Как только договорила, зазвонил телефон. Ханна не стала отходить — ответила при них. Звонили из службы доставки: ей везут посылку, но отправитель не указал номер квартиры. Она нахмурилась. Никаких доставок она не ожидала.

Положила трубку и вернулась к кофе.

Тед нарушил тишину.

— Ты не голодна? Может, поедем поесть?

Она взглянула на Ника. Тот отреагировал мгновенно: похолодевший взгляд, застывший на Теде. Логично — он ведь был здесь первым. А вопрос Теда не оставлял Нику вариантов для продолжения вечера, ответь она «да».

Но Ханна не собиралась так просто заканчивать это представление. Ей хотелось посмотреть, как они будут сражаться за первенство. За право сидеть на ее диване.

— Я недавно ела. Но... наверное, мне стоило предложить вам что-то из закусок. — Она поставила чашку на стол. — Извините, я веду себя не очень гостеприимно. Просто я не была готова к такому наплыву гостей.

Вот. Отлично. Фраза, которая точно расставила все на свои места.

Вы оба здесь по своему желанию и оба без предупреждения. Фас.

Ник покачал головой.

— Все нормально. Я не голоден, спасибо.

— Мне достаточно кофе, спасибо. — Тед выпрямился, потянулся и вновь уперся локтями в колени. — Но от глотка скотча я бы сейчас не отказался.

— Эм, да, я могу посмотреть, что у меня есть, — немного запинаясь, произнесла Ханна. — Только, это, скорее, закрытая бутылка красного сухого...

Тед смотрел на нее в упор. Улыбнулся.

— В смысле — может, проедемся куда-нибудь, выпьем аперитив? Здесь недалеко есть бар, могу забронировать нам столик.

Она не успела ответить — Ник перебил:

— Ты о «Вспышке»? Это не бар, а отстой. В прошлые выходные там было не протолкнуться, обслуживание дерьмо, а бармены не отличат негрони от кампари-тоника.

— Хм. Видимо, обслуживание дерьмовое только для тех, кто не знает, что там заказывать. Или не знаком с владельцем. И потом — толпа идиотов там собирается ближе к полуночи. Сейчас вроде как начало седьмого.

— Ну если толпа идиотов — это клиентская база заведения твоего друга, передай ему мои аплодисменты за ведение бизнеса.

Они опять замолчали.

Все. Хватит. Надо брать это в свои руки. Что бы это ни значило.

Ханна закатила глаза.

Пора включать классную Ханну. Ту, которая ведет любую тусовку и делает весело всем. Иначе можно было выставить их и остаться дома с сериалами. Но тратить еще двадцать минут на их препирания она не собиралась.

— Я за!

Оба обернулись так резко, что ее щеки начали наливаться краской.

Ханна прокашлялась.

— Я имею в виду — я за куда-нибудь выбраться. Туда, где есть еда, коктейли, музыка. — Она покрутила в руке чашку. — Вот только я пока не могу... Мне нужно дождаться посылки, — сделала паузу, — это еще минут пятнадцать. А потом можно поехать в «Локо». Это испанский бар, но там все такое... — она попыталась подобрать слово, — скорее аутентичное. И музыка живая. Там разговор как-то сам собой складывается.

Ее приглашение было рассчитано на их троицу. И никак иначе.

— Да, я слышал, там классно, — сказал Тед. — Когда будешь готова.

Это был не вопрос. Утверждение.

Она допила уже остывший кофе.

— Я тогда пойду переоденусь.

Поднялась и оглядела себя сверху вниз: легкие пижамные штаны, топ на одно плечо. Провела рукой от топа до штанов — и поняла, что зря. Тед и Ник синхронно проследили за ее ладонью.

Кажется, через этот белый топ просвечивают соски. Сука! Наверняка они именно на них сейчас и смотрят.

Ханна быстро ретировалась в спальню, пока оба не увидели, как розовеют ее щеки. В тон соскам.

Проходя мимо Эрика, кинула через плечо:

— Я быстро, чувствуйте себя как дома.

Ханна взяла со спинки стула голубые джинсы, натянула. Потянулась за черной рубашкой, застегнула пару пуговиц — и передумала.

Хм. Оба ее «кавалера» сегодня в черном.

Сняла, открыла шкаф и выудила оттуда атласную рубашку цвета айвори.

Двое статных, идеально сложенных мужчин в черном — и она в белом. Как приз.

Ей было приятно осознавать это соперничество. Оба сидят сейчас в ее гостиной и внутренне друг друга ненавидят. Ханна ухмыльнулась. Ей не терпелось посмотреть шоу целиком.

Все это льстило.

Какую стратегию выберет каждый? Есть ли у них план? Как будут добиваться ее внимания?

Она тихо подошла к двери и прислонилась ухом к холодному дереву.

Услышала обрывочные фразы, сказанные вполголоса: теплый, с усмешкой голос Теда — и низкий, ровный Ника.

Затем шаги — кто-то поднялся и прошел по комнате. Ханна отпрянула от двери — лишь бы в зазоре не мелькнула ее тень.

Звонок в дверь резанул по ушам — Ханна подпрыгнула на месте, словно над самым ухом гаркнула разъяренная птица.

Блядь! Эти мужчины сведут ее с ума.

Ханна выдохнула и вышла из спальни.

Тед стоял у стеллажа с книгами и листал одну из них. Свет уличного фонаря падал на его темно-каштановые волосы.

Хоть бы не эротические романы. Они как раз на самом видном месте.

Ник вновь раскинулся на диване, что-то печатая в телефоне. Убрал со лба выбившуюся прядь — платиновые волосы, зачесанные назад, уже не лежали так идеально, как пару часов назад.

Ханна так и не переоделась до конца — рубашка застегнута лишь наполовину. Босиком пронеслась ко входной двери.

За дверью стоял огромный, завернутый в крафтовую бумагу букет красных роз. Он закрывал собой не только курьера, но и половину дверного проема в придачу.

Ханна ахнула.

Сегодня точно день цветов.

Занесла букет, обхватив его двумя руками, и положила на пол по центру гостиной — туда, где было больше всего места.

Эрик тут же забыл про кость: новый экспонат требовал досмотра. Пес неспешно двинулся к розам. Ханна подняла ладонь — и он остановился.

Взглянула на гостей. Ник повел головой в сторону букета и еле заметно приподнял брови, прежде чем вернуться к экрану. Тед замер с книгой в руках и смотрел на розы.

Она собрала волосы в хвост и схватила с подоконника вазу — высокую и узкую. Повертела и поставила обратно: эта не выдержит веса букета и перевернется. А привлекать к себе еще больше внимания звоном битого стекла ей не хотелось. Взяла соседнюю — низкую, широкую, устойчивую.

Уже набирала воду, когда прозвенел еще один звонок в дверь.

Черт! Может, курьер забыл отдать записку?

Когда она заносила букет, на нем не было ни намека на

отправителя.

Хотя... она почти не сомневалась: коллега с прошлой работы. Он несколько раз звал ее на ужин. Она отказывалась, но он продолжал напоминать о себе раз в пару месяцев, то сообщением, то цветами.

И все это — именно сегодня.

Да, день святого Валентина. Но какой святой подстроил ей этот парад сюрпризов?

Все обрушилось на нее одним махом. Новая капля пота стекла по спине — словно она была рефери, который взмок, даже не участвуя в схватке. Ханна представила, как в иной реальности сидела бы сейчас на том же диване, зевала и читала книгу. Одна. И да, с бокалом красного сухого.

Вместо этой беготни, в которой нужно делать вид, что она ко всему этому готова.

Она приложила ко лбу влажную от воды ладонь и порадовалась, что еще не нанесла макияж. Открыла дверь и забрала новую посылку, теперь из известной кондитерской. Наверху, под розовым бантом, была записка.

«Любим тебя! Обьедайся сладким, вечером пойдем танцевать и разгонять калории!

Милли и Одри»

Обе сегодня отправились на свидания, чтобы после уже девичьей компанией пойти танцевать.

Сложила записку и спрятала в карман джинсов. Ее двум гостям незачем знать, что сладости — от подруг. Она собиралась лицезреть полное шоу, а не только его начало.

Быстрым шагом прошла к столу. Тед уже сидел на своем месте, допивая остывший кофе. Ханна поставила в центр низкого стола коробку. Внутри — эклеры, чизкейк, корзиночки со сливочным кремом и клубникой.

— Угощайтесь. Мне нужно еще пару минут.

Ханна вернулась с вазой и на глазах у гостей принялась распаковывать букет. Рядом на журнальном столике стояли нежно-розовые пионы от Ника — теперь они казались вчетверо меньше этого монстра.

Оба молча смотрели, как она пытается пристроить махину в вазу. В итоге отодвинула всю конструкцию к дальней стене — от греха подальше.

Дала команду псу:

— Можно.

Эрик подошел и принялся обнюхивать бутоны.

Ханна вновь направилась в спальню, умыться и наконец закончить сборы. Перед тем как закрыть дверь, мельком обернулась — и заметила, как двое ее зрителей переглянулись.

Провела кистью по щеке. И вдруг застыла. Рука зависла на полпути. В ее гостиной сидят двое мужчин. И оба ждут. Ее. Дышать стало нечем — словно кислород из комнаты выкачали вместе с ее спокойствием. Посмотрела на себя в зеркало и мотнула головой.

А куда она, собственно, торопится?

Никто ее не торопит. Пусть ждут.

Открыла румяна, добавила немного на щеки — хотя те и без того были розовыми. Немного туши, уложила брови. Порылась в помадах и выбрала легкий тинт — такой, что идеально подходит под естественный оттенок губ, лишь слегка его усиливая.

Немного блеска — да.

Ханна оценила образ в зеркале. Приталенная рубашка с вырезом на груди. Теплый белый атлас подчеркивал оливковый тон кожи и сильнее выделял серо-зеленый цвет глаз. Распустила волосы цвета лесного ореха. Они легли по пле-

чам мягкими объемными волнами.

Она взяла с полки флакон, откупорила, поднесла к носу. Мягкий, обволакивающий — ваниль и магнолия. Нанесла на запястье и на шею.

Потом потянулась за вторым — терпким, с холодной горчинкой: бергамот и ветивер. Нанесла на грудь и второе запястье.

Еще один выбор, который она отказывается делать. Пусть это будет выбор в пользу обоих. Духов.

Она вдохнула еще раз — глубоко, задержав воздух в груди. Мягкий и терпкий слились на коже воедино, в композицию, где один не перебивал другой.

Ханна медленно выдохнула. Прошло точно больше десяти минут, но из гостиной не доносилось ни звука.

Открыв дверь, Ханна замерла на пороге. Оба ее гостя расположились на полу: Тед оперся спиной о край дивана, вертя в руках мячик Эрика, а Ник сидел на корточках и, улыбаясь, гладил пса по морде.

Она простояла так несколько секунд, не в силах отвести взгляд.

Тед первым повернулся к ней и поднялся с пола.

— Черт...

Ханна слегка наклонила голову:

— Спасибо.

Ник перестал гладить пса, встал и неторопливо подошел к ней.

— Ты обворожительна.

Оба стояли напротив и смотрели — пристально, слишком долго, вглядываясь в каждую деталь. И вновь это молчание вгоняло ее в краску. Ханна не могла вспомнить, когда в последний раз так стеснялась под чьим-то взглядом. За все свои двадцать шесть лет.

Сам факт внезапного свидания — да еще с двумя сразу — превращал ее мысли в кашу. Но Ханна решила: этот вечер поведет она. Роль хозяйки отвлекала и отрезвляла.

— Эр, место!

Пес, виляя хвостом, ушел на лежанку догрызать кость.

— Я забронировал столик, через десять минут нас ждут,

— сказал Ник, не отводя от нее взгляда.

— Такси уже внизу, можем выходить.

*И когда они оба решили, что это нормально — поехать
втроем?*

Так и не ответив себе, Ханна лишь улыбнулась и первой пошла к выходу.

Накинула короткое пальто, натянула сапоги и прихватила первую попавшуюся сумку — туда поместились только телефон и помада. Пока мужчины толпились в прихожей, повернулась к Эрику.

— Ждать.

Она оставила свет в гостиной и вышла, дважды повернув ключ в замке.

* * *

Ник открыл перед ней дверь такси — Ханна опустилась на просторное заднее сиденье и вытянула ноги. Он обошел машину и устроился рядом с ней, за водителем. Тед хмыкнул, оценив маневр, и занял переднее кресло.

Пока ехали до бара, играл легкий джаз.

Ник повернулся к ней вполоборота:

— Значит, ты уже была там?

— Да, моя подруга Одри потащила меня на открытие. Там была вечеринка... в целом ничего, мне понравилось. Но помню лишь классные коктейли и красивый интерьер — остальное пролетело как-то быстро. — Она рассмеялась. — Вроде по выходным там живая гитара, а еще вкусные тапас. Ты любишь испанскую кухню?

— Я как-то прожил в Барселоне три месяца — только и ел, что тапас. На завтрак, обед и ужин. Тапас, вино и закаты. Таких закатов здесь пока не попадалось. — Он поправил волосы, убрав платиновую прядь за ухо. — Ты была в Испании?

— Была! Правда, еще в школе, в языковом лагере. Больше всего запомнился парк развлечений: мы с друзьями провели там целый день и катались на всех аттракционах по несколько раз подряд. Это было... волшебно.

Она зажмурилась на секунду, вспоминая тот адреналин, что поступает в кровь на самой высокой точке горки. Почему-то сейчас ей казалось: она чувствует то же самое.

Тед обернулся к ней.

— Получается, ты любишь адреналин? — его глаза блеснули.

Она закусила нижнюю губу.

Боже, да, Тед. Сука. То, что сейчас происходит, — это и есть чистый адреналин.

— Именно так. Никогда не боялась аттракционов. Единственный мой кошмар — пещера ужасов. — Она засмеялась. — Все время закрываю там глаза — просто выпустите меня отсюда! И открываю, только когда вагончик выезжает обратно на свет.

Ник усмехнулся — она не увидела, но отчетливо услышала.

Тед, довольный, повернулся к дороге.

У бара Тед выскочил из машины первым — открыл перед ней дверь и подал руку. И не отпустил: так и вел ее, держа за ладонь, по ступеням ко входу с неоновой вывеской над дверью. Ник шел позади.

Они заняли столик и открыли меню. Ханна не могла решить, что заказать из еды, но точно знала: пара коктейлей — да. Не больше двух. Не больше трех. Легких — таких, от которых хочется веселиться, а не рубит спать. Сейчас спать совершенно не хотелось.

В заведении было пустынно — вероятно, потому что шел лишь седьмой час. Все парочки наверняка забронировали столы на более позднее время.

На небольшом круглом столике поместилось бы максимум три тарелки — и осталось место только для бокалов.

Пока парни изучали меню, Ханна впервые за вечер позволила себе рассмотреть обоих — открыто, не таясь. В конце концов, имеет право: они сами устроили ей это свидание на троих.

Тед сидел напротив, закинув локоть на спинку кресла, — даже неподвижный, он умудрялся занимать собой половину зала. Темно-каштановые волосы, короткая стрижка, легкая щетина на волевом подбородке. Когда он ухмылялся — а ухмылялся он, кажется, даже в меню, — на щеках проступали ямочки. Глаза зеленые, глубокие; в приглушенном свете бара они казались почти черными, пока он не поднимал взгляд — и тогда в них вспыхивали искры.

Ник сидел справа — прямая спина, ни одного лишнего движения. Каждое — словно отработанное годами. От него повеяло мятой — бодрящей, ненавязчивой. Он не листал меню, а изучал его, как контракт. Светлые волосы, зачесанные назад, уже привычно норовили упасть прядью на лоб. Высокий, статный, как с обложки — и словно не знающий об этом. Он не старался привлечь внимание. Внимание приходило само. Серо-голубые глаза, прохладные, цепкие. Когда он смот-

рел на нее, казалось: он видит даже то, о чем она молчит.

Подошел официант, разлил воду по стаканам. Тед и Ник одновременно повернулись к Ханне и почти хором спросили, что она будет.

— Мне космополитен. А по еде я даже не знаю... — Она пожала плечами и взглянула на парней.

Ник взял инициативу на себя:

— Нам, пожалуйста, ассорти тапас, гребешки и креветки на гриле.

— Скотч со льдом, — перебил Тед.

— Виски сауэр, — холодно закончил Ник.

Официант забрал меню.

Интересно, что он подумал. День всех влюбленных — а она сидит тут с двумя парнями, которые даже заказ превращают в перетягивание одеяла.

Это напряжение копилось весь вечер — в квартире, пока они собирались, в такси, теперь здесь, за тесным столиком. Узел из неозвученных желаний, который просился быть развязанным. Или развязным.

Она решила играть — и она будет играть. Они сами дали ей карт-бланш.

Брать инициативу — так брать.

В горле пересохло. Ханна залпом осушила полстакана воды и обратилась к обоим сразу:

— Ну а вы? Расскажите: самое яркое адреналиновое воспоминание. Можно тоже из детства. Или что-то такое, о чем больше никто не знает.

Потянулась за стаканом, ожидая ответа, и наклонилась — так, что V-образный вырез приоткрыл силуэт красного лифчика. Видеть это мог только Тед. Он замешкался. Ханна заметила, как он приоткрыл губы, собираясь что-то сказать. Но не успел.

— Как-то я ускользнул из дома и поехал на побережье на велосипеде. Мы тогда жили на юге, туристический сезон только закончился. Вдоль берега шла извилистая трасса, а за ней склон, обрывающийся прямо к океану. По склону вилась старая тропа, которую давно не использовали: настолько обветшала, что ее в конце концов перегородили. — Ник сцепил руки в замок. — Я пролез через ограждение, перекинул велосипед следом, сел и поехал. Хотел добраться до самого

конца — увидеть океан с той стороны. Вниз не смотрел. Не потому, что высоко, — дорога была слишком узкой, приходилось концентрироваться.

Ханна выдохнула. Ей хотелось расспросить подробнее, но принесли напитки. Когда официант ушел, Ник продолжил:

— Обратно я решил ехать иначе — глядя только вниз, за край тропы. Проверить, что будет, если смотреть лишь на воду и гравий, отлетающий от велосипеда. В итоге проехал почти всю дистанцию — и в самом конце промахнулся. Колесо напоролось на камень, которого я не увидел. Потому что смотрел только вниз.

Все трое молчали. Кажется, впервые за вечер Тед его не перебивал. Смотрел из-под полуприкрытых век на центр стола и потягивал скотч.

— И... что было дальше? — Ханна нахмурилась.

— Судя по тому, что он сидит здесь, это всего лишь воспоминание, — ввернул Тед.

— Хм... Так и есть, приятель. Так и есть. — Ник ухмыльнулся. — Когда это случилось, я осознал: вот он, первый раз на грани. Мне было двенадцать, и я так отчаянно захотел жить, что успел перекинуть вес к скале — упал на нее, а не в обрыв. Ободрал локти и колени в кровь. Потом слез и повел

велосипед рядом, вцепившись в руль так, словно от любого порыва ветра нас обоих снесет вниз. Когда вышел на дорогу, огляделся. Никто меня не ждал. Никто не видел, что произошло. Это было одновременно спокойно и как-то грустно. Я подумал: а если бы все сложилось иначе? — Он сделал глоток. — С тех пор, каждый раз возвращаясь, я специально проезжаю то место. Смотрю, не мелькает ли на тропе чей-нибудь велосипед. И выдыхаю, когда вижу, что она огорожена.

— Черт, чел. Ебать, ты фортовый! — со смешком сказал Тед. — С таким везением тебе следовало бы давно начать играть в покер.

— Хм... Ну из нас двоих только ты делаешь ставки на спорт, приятель. — Ник отпил виски и посмотрел на нее.

Ханна накрыла его ладонь своей.

— Это... очень тяжелое воспоминание. Да, адреналин — но для меня твоя история про другое. Мне стало пусто, когда ты сказал: выехал — и никого. Никого, кто ждал бы или мог помочь. Мне жаль. — Она помолчала. — Но я тебя понимаю.

Она почувствовала легкое пощипывание в уголках глаз, потрясла головой.

Нет, сегодня про веселье!

Ханна задумалась: возможно, она выбрала не ту тему. Но надо было продолжать.

— А ты, Тед? — Она посмотрела на него и приподняла уголок губ — так же, как это делал он. — Расскажешь что-то свое? Или можем послушать про ставки на спорт — я, кстати, в этом ничего не понимаю. Ни разу ничего не ставила и в соревнованиях не участвовала.

На последних словах она осеклась: сказала явно что-то не то. Слова просто вылетели.

То, что происходило сейчас, — именно это и было соревнованием.

Тед и Ник переглянулись — на долю секунды, но она заметила. И тут же сделали вид, что ничего не произошло.

— Однажды я сделал ставку — и остался ни с чем. Хуже того: меня поймали. — Он сделал глоток и обернулся к Нику. — Если кратко, то да, я делал ставки. Я доверился не тому человеку. Вот такой адреналин. Как тебе?

По его тону было ясно: продолжения не будет.

Все вернулись к напиткам. Тишину прерывали только ме-

лодичные звуки испанской гитары.

Принесли закуски — ассорти тапас с разным наполнением, морепродуктами и мясом. Каждый съел по несколько, и Тед жестом попросил официанта повторить напитки.

Прошел час. Ханна больше делилась — про издательство, про капризных авторов, про рукописи в работе. Разговор потек проще. Она вдруг поняла: если не сцеплять их лбами, а больше говорить самой, все идет как по маслу. Тед расспрашивал про Эрика — сколько гуляют, какие команды еще знает. Ник интересовался ее работой и тем, как Ханна проводит свободное время. Оказалось, оба — собачники, и ни у одного никогда не было кота. Даже в детстве.

Ханна вела свою партию: не забывала периодически поправлять ляжку лифчика или качать ногой под столом, смотреть в глаза каждому, не удерживать взгляд на ком-то одном надолго. Один раз она будто случайно задела ногой Ника — и ничего не сказала. Только уловила его острый взгляд и то, как он прищурился.

В другой раз она потянулась к стакану — Тед опередил, придвинув его ближе, и не убрал руку. Ханна взялась за холодное стекло, накрыв его теплые пальцы своими.

Алкоголь делал свое дело: все расслабились, чаще улыбались, делились забавными историями — и те ложились на

общий разговор сами собой.

Бар заполнялся людьми, музыка и голоса звучали все громче.

Вдруг зазвонил телефон — Одри. Ханна поднялась из-за стола. Ник привстал. Тед проводил ее взглядом.

Как по-джентльменски.

Она подняла палец — «сейчас вернусь» — и ушла в уборную.

Одри тараторила: все уже выезжают в бар, и пусть Ханна поторапливается — ждать ее никто не будет.

Но делиться этим вечером она не собиралась.

Она зашла в кабинку, прикрыла дверь и, откашлявшись, хрипло сообщила в трубку: уснула перед телевизором, сил нет, планы на сегодня — диван, долгий сон и ничего интересного.

Одри поворчала, но отстала — взяв с нее обещание завтра вместе пообедать.

Ханна вышла к большому зеркалу и уперлась ладонями в холодный мрамор. Взглянула на свое отражение: глаза отливали зеленым блеском, на щеках горел румянец — и дело было не в косметике. Она достала тинт, подкрасила губы и улыбнулась сама себе. Сжала пальцами мраморный край.

По спине пробежал приятный холодок.

Она сидит на свидании с двумя парнями. Оба ловят каждое ее слово, каждый жест. Подают знаки сами: мимолетно дотрагиваются, смеются над ее шутками, жаждут ее.

Поднесла левое запястье к носу и вдохнула еще державшийся на коже аромат. Мягкие ноты ванили и магнолии. Поднесла правое. Дерзкий бергамот, сухой ветивер.

Она затеяла эту игру — и заканчивать не намерена. Какими бы ни были правила, она поведет ее до конца.

Ей нравилось чувствовать на коже оба аромата сразу. Они не спорили — впитались, дополняя друг друга, словно и не собирались выветриваться.

Она подставила руки под струю ледяной воды и провела ладонями по шее. Холод включил ее — по коже прошла волна мурашек. Ханна кивнула своему отражению, подхватила сумочку и уверенным шагом отправилась обратно в зал.

Подойдя ближе, она увидела: парни о чем-то жарко спорят. У ее места уже стоял новый космополитен.

Ханна попыталась посчитать, какой он по счету, — сбилась, махнула рукой и, усевшись, принялась медленно потягивать его через трубочку.

Ник и Тед обсуждали самую горячую тему вечера. Спорт.

Мужчины...

Боже, спасибо тебе за спорт. Хоть здесь их соперничество — по правилам. И не из-за нее.

Слушая вполуха, она подмечала детали. Вздумавшиеся вены на руках Ника, который яростно жестикулировал. Его выбившуюся прядь — он то и дело возвращал ее назад, но та все равно считала своим местом его лоб.

Тед, расслабившись, больше не прятал улыбку — ямочки проступили отчетливее. Он то поднимал, то опускал стакан, словно отбивал такт.

Ханна огляделась. Почти все столики были заняты — парочками, компаниями. Шум поглощал диалоги, и она была рада дать себе передышку: просто наблюдать из своей выжидающей позиции, позволяя спутникам наслаждаться ее компанией.

Она открыла телефон — только взглянуть на время. Но парни одновременно замолчали и обернулись к ней.

— Десерт? — Ник смотрел ей прямо в глаза. Серо-голубые, как небо перед ливнем. Тем самым, что вот-вот погло-

тит все.

Но десерта ей не хотелось. Она была готова на нечто большее.

— Нет, мне и так хорошо, мне, мне... просто прекрасно.

Ханна перевела взгляд на Теда.

Он впечатал стакан в стол, и скотч плеснул ему на руку. Поднес большой палец к губам и слизнул капли, глядя на нее.

— Хочешь убраться отсюда? — Он не отводил взгляда.
— Я провожу.

Она перевела взгляд на Ника. Тот сидел не шелохнувшись.

— Да. Думаю, пора попросить счет.

Тед вдруг спохватился:

— Кажется, я оставил у тебя свои ключи.

И порылся в карманах — словно для убедительности. Ханна сдержала смехок.

Ник окликнул проходившего мимо официанта. Мужчины оплатили счет и оставили на чай.

Ханна поднялась — и на выходе Тед оказался быстрее. помог ей с пальто. Ник открыл дверь и пропустил ее вперед, держа ладонь у поясницы, почти не дотрагиваясь. Тепло его ладони мягко расплзлось по спине.

Они остановились перед баром. Морозный воздух обжег щеки — Ханна плотнее укуталась в пальто. Из рта вышла струйка пара, и она проводила ее взглядом. Вокруг горели фонари, мягко подсвечивая снег, ложившийся хлопьями на все, до чего мог дотянуться.

Несколько снежинок легли на волосы Ника. Он стоял справа, в распахнутом черном пальто поверх рубашки, и, судя по всему, вызывал такси. Свет фонаря прошелся по его сдвинутым бровям, спустился по скуле и остановился на четкой линии челюсти. Он не оборачивался — хотя она была уверена: ее взгляд он чувствует.

Ханна повернулась налево, к Теду. Тот, судя по позе, давно наблюдал за ней — за тем, как она разглядывает своего спутника справа. Из-под расстегнутой куртки виднелся черный джемпер, темные волосы припорошило снегом. Тед смахнул снег, улыбнулся ей своей белоснежной улыбкой и подмигнул.

Долго смотреть на него она не могла — коктейли уже ударили в голову. Она не была пьяна, нет. Это была та самая точка эйфории, когда мозг уже расслаблен, а телу все еще мало.

Ханна взяла обоих под руки. Так они и стояли — втроем, молча, под падающим снегом.

Ей так не хотелось, чтобы этот вечер заканчивался.

Нет. Вечер еще не закончился. Хватит думать!

Из-за угла вывернула машина и затормозила перед баром.

Ник привычно открыл перед ней дверь, и она села на заднее сиденье. Стоило ему отойти, чтобы обойти машину, — ее дверь снова распахнулась. Тед. В этот раз он не сел вперед. Молча сдвинул ее за бедро вглубь салона — так, что она оказалась ровно посередине. Между ними.

Ник лишь усмехнулся.

Началась поездка. Самая длинная поездка в ее жизни.

Если бы каждый из них знал, что делает другой... Что бы сделал другой?

Тед опустил руку ей за спину и просунул ладонь под нее — так, что Ханна вдруг поняла: она уже сидит у него на ру-

ке. Он и не думал ее убирать. Неспешными кругами водил пальцами до пояса джинсов, задевая полоску кожи над ним. Туда и обратно. Останавливаясь на секунды. И начиная заново. Еще немного — и его рука опустится ниже. Она это знала. И деваться будет некуда.

Ханна старалась не смотреть на него. Только вперед. Только в лобовое стекло.

Потому что слева, прямо на ее бедре, лежала рука Ника. Миниатюрная сумочка не прикрывала и половины его ладони. Его пальцы медленно поглаживали внутреннюю сторону ее бедра.

А если бы она сегодня надела юбку?.. И не стоило ли — покороче?

Если бы кто-нибудь сказал ей, что однажды она будет сидеть меж двух огней и оба будут параллельно ее ласкать — она бы не поверила. Поспорила бы на миллион: с кем угодно, но не с ней. Подумала бы, что сразу отвернется, выйдет, исчезнет из этого пламени.

Но как это было упоительно.

Жар шел от одних касаний к другим — от спины к бедру, — словно между ними протянут провод, и с каждой секундой ток по нему все сильнее, все ближе к вспышке внизу ее живота.

Внизу тянуло так, что хотелось сжать бедра. Она легонько поерзала — и стало только хуже.

Боже!

Ханна чувствовала, как влага расплзается по трусикам. Кажется, в какой-то момент она выдохнула так громко, что выдох сорвался в стон. Слава богу, из колонок гремела музыка.

Или... стон все-таки был слышен?!

Впрочем, если кто-то из ее спутников и услышал — то принял бы на свой счет.

Она ни разу не целовалась ни с одним из них.

Да, был момент с Ником — когда все почти случилось, на новогоднем корпоративе холдинга пару месяцев назад. Но кто-то его отвлек, и она попросту свинтила.

С Тедом она была знакома меньше. И наедине они не оставались никогда.

Тогда кто эта девушка, которая позволяет двум парням гладить себя — пусть даже сквозь одежду? Которая принимает этот ток и не собирается его останавливать?

Такси затормозило у ее дома, и Ханна словно пришла в себя. Ей надо было мыслить здраво. Скорее всего. Возможно.

Она отправила мысленный запрос во Вселенную.

Ханна, соберись!

Тед незаметно убрал руку и вышел из машины. Ждал на улице, протянув ладонь.

Ханна продолжала сидеть на месте. Рука Ника так и осталась лежать на ее бедре.

Если Тед провозжает ее и поднимается «за забытыми ключами» — то Ник... что, просто возьмет и уедет?

Она сдвинула брови.

Нет. Так не пойдет. Стоит ему убрать руку с ее бедра — и кожа сразу занает без его тепла.

Она посмотрела ему в глаза — и утонула в мягкости, смешанной с немим вопросом. Он словно решал: отпустить ее — или нет.

— Ты идешь? — сказала, как отрезала. Подала руку Теду и вынырнула из машины.

Дверь такси захлопнулась, и Тед повел ее ко входу. Через мгновение — еще один хлопок. И шорох шин отъезжающей машины.

Она на секунду зажмурилась. Они с Тедом обернулись разом.

Ник уже шел к ним.

Она улыбнулась краешками губ — хотя внутри все бурлило, как на самой высокой точке горки. При том что она стояла на земле. Она не готова отпустить его сейчас. Отпустить так рано.

Тед лишь фыркнул и повел ее дальше.

Они молчали всю дорогу до ее квартиры.

В лифте оба прислонились к стене напротив и смотрели на нее.

Ханна достала ключи и потрясла ими.

*Двое мужчин идут к ней домой. Опять. Вновь.
...по приглашению...*

СУКА!

Ник скрестил руки на груди. На его плечах таяли послед-

ние снежинки, еще секунда — и исчезнут.

Тед сунул руки в карманы — на лице привычная ухмылка, в глазах искренняя веселость.

Общим у ее постоянных гостей было одно: жадность, с которой они смотрели ей в глаза. Они пожирали ее взглядом. И раздевали. Каждый по-своему — но оба не торопясь.

Так, Ханна. Дыши.

Раздался сигнал — лифт открылся, выпуская их из тесной кабины. Собрав всю смелость, Ханна вышла первой. Открыла дверь и поняла: пути назад нет. Плана тоже. А был ли план?!

Есть только она, он и он. И ее уже мокрые трусики.

* * *

Войдя, Ханна нашла глазами Эрика. Тот спал на лежанке в дальнем углу. Рядом валялась обглоданная кость. Пес сонно поднялся, подошел и положил морду ей в ладони.

Она присела и погладила его. Эрик зевнул, потоптался и побрел в спальню — досыпать.

На столе, по центру, так и стояла нетронутая коробка с пирожными под розовым бантом.

— Закроешь дверь?!

Она кинула это через плечо, не глядя, неважно кому. Дверь хлопнула, повернулся ключ.

Ханна босиком прошла в спальню переодеть тянущие джинсы на что-то свободное. Схватила пижамные штаны со спинки стула и натянула.

Когда вернулась, ее гости уже заняли свои привычные места.

— У тебя такая библиотека... Любишь Брэдбери? — Тед держал в руках томик из собрания сочинений.

— Да. В университете как-то проглотила все его произведения чуть ли не за сутки, не могла оторваться.

Проглотила. Оторваться. Так, Ханна, следи за языком.

Ханна принесла бутылку вина и три бокала. Включила музыку. Бит негромко полился из колонок и повис где-то под потолком.

Она протиснулась между ними и заняла место ровно посередине. Вплотную к обоим.

Ник забрал у нее бутылку, открыл и разлил вино. Во все

три бокала. Видимо, он уже принял этот вечер. И был готов.

Вот только она не знала, к чему готовиться ей. Она никогда еще не оставалась с двумя мужчинами одновременно. После коктейлей. После ужина. После этой долгой поездки — в полумраке квартиры, на одном диване.

Конец этой фразы никак не формулировался в слова.

— Да, кстати. У меня для тебя кое-что есть. Все ждал подходящего момента — и вот.

Тед полез в карман, вынул небольшую коробочку и протянул ей. Внутри был браслет с подвеской: луна, разделенная на два полумесяца. Две половины одного целого — они соединялись, стоило придвинуть их друг к другу.

— Вау. Спасибо! — Она подняла на него глаза. — Правда. Мне нравится.

Она тут же достала браслет из коробочки и начала было надевать, когда почувствовала теплое прикосновение на руке.

Ник мягко перехватил ее запястье и начал застегивать браслет. Браслет от Теда. Его браслет. Его подарок.

Тед протянул ей бокал вина. Она сделала глоток и перевела на него взгляд.

— Ты такой романтик. Никогда бы так про тебя не подумала.

— Брось, Ханна. То, что я не показываю эмоции, не значит, что их у меня нет.

Он пожал плечами и придвинул коробку с пирожными. Медленно потянул за ленту так, словно распаковывал подарок.

Ее взгляд был прикован к рукам Теда, к каждому движению. И тут она почувствовала на своей руке ровную, теплую пульсацию. Застегнув браслет, Ник так и не отпустил ее. Обхватил запястье. Это было так нежно — и так непоколебимо.

Его прикосновения, подобно вину, разливались по венам. Она сжала бедра. А потом решилась.

Полностью откинулась на спинку дивана, не выпуская бокала, и вытянула ноги так, что пальцы коснулись бедра Теда.

И вот она сидит меж двух огней своего вечера — двух виновников влаги в ее трусиках, даже не подозревающих о содеянном. Прекрасно догадывающихся о содеянном.

Тед на секунду замер, но не дернул ни единой мышцей лица. И она вжалась в диван еще глубже. Привалилась к плечу Ника. Тот все держал ее за руку. Медленно провел пальцем по внутренней стороне ее ладони и теперь перебирал брас-

лет: водил по цепочке, брал полумесяцы и отпускал.

Ханна закрыла глаза и растворилась в этих застывших секундах. Она у себя дома. Не одна. На плече Ника, который гладит ее руку, плавно поднимаясь к предплечью.

Когда она открыла глаза, Тед уже занялся десертами. Он погрузил указательный палец в плотный крем, а после медленно поднес ко рту и, глядя ей прямо в глаза, слизал.

Господи Боже.

Со... себе... соберись!

Ее окатило новой волной жара. Трусики промокли окончательно. В голове пронеслось: она совершила глобальную ошибку, не сняв их сразу, как переступила порог.

Но она не успевает удержать эту мысль. Потому что его пальцы — теперь два — вновь окунаются в крем.

— Кажется, ты не попробовала десерт.

Он медленно подносит пальцы к ее губам и замирает в ожидании.

Все. Больше она не размышляет.

Последнюю мысль отправляет куда подальше — и слышит, как внутри с грохотом рушатся все стены.

Ханна... Сейчас.

Ханна приоткрывает губы, набрав в легкие воздуха. И в следующую секунду слизывает крем с двух его пальцев — глядя прямо в глаза. Зеленые, блестящие.

— М-м-м...

Она впервые ощущает себя так. Настолько расслабленной, настолько доверившейся — обоим сразу. Ни одной мысли. Только руки, губы, крем и вино. Словно она возлежит на ложе, а ее кормят виноградом и обмахивают пальмовыми листьями.

Ник продолжает гладить ее по предплечью, поднимаясь пальцами все выше. Она знает: он смотрит на ее губы. Ей даже не нужно поворачиваться — она слышит его дыхание. Чувствует его: она поднимается и опускается на его плече в такт каждому вдоху. Вот он вдыхает — и задерживает воздух на несколько секунд, наблюдая, как она слизывает крем с пальцев Теда.

Тихая музыка и приглушенный шум города. Слабое свечение ламп по периметру потолка. Все, что осталось от мира. Достаточно, чтобы каждый из троих слышал стук собствен-

ного сердца.

Тед медленно отводит пальцы от ее губ и подносит к своим. Прикрыв глаза, слизывает остатки крема. После нее.

Все мысли испаряются. Остается только это видео. То, что навсегда сохранится в ее памяти.

Господи, это лучше, чем поцелуй!

Впервые за вечер Тед ничего не изображает. И от этого зрелища у нее пересыхает во рту.

Все ее планы, вся ее «игра» — рушатся в одну секунду. Есть только здесь и сейчас. Лицо Теда. Сердцебиение Ника. Молчание... плотное, натянутое. Оно доводит до исступления.

На секунду Ханна приходит в себя — мозг успевает выстрелить очередью вопросов. Приняла ли она решение? Готова ли к тому, что будет дальше? Хочет ли она этого?

Хочет. И это произойдет.

Скоро. Она чувствует. Каждое нервное окончание, каждая мышца ждет: начала, катарсиса, знания — каково это. Каково быть с ними. Полностью. Раствориться в них, пока они погружены в нее.

Она делает большой глоток из бокала, прежде чем что-то сказать. Что-то, после чего не будет пути назад. Что-то, что проложит дорожку в этот вечер. Что-то, чего ждут все трое.

Ник по-прежнему молчит. Его рука движется выше — к шее. Ханна прикрывает глаза и глубоко выдыхает, когда его пальцы касаются кожи у ключицы.

— Ах...

И тишину нарушает Тед. Он обхватывает ее лодыжку и ведет пальцами по коже — нежно, едва касаясь. Вверх и вниз. Словно желая получить разрешение.

Они оба здесь, с ней. Не спорят, не соревнуются. Просто наслаждаются ею — и разжигают каждую клеточку ее тела, усиливая тягу между ног.

— Ну же, Ханна. Скажи это, просто скажи...

— Что... м-м... что я должна сказать?

— Ты знаешь, что, — Тед продолжает двигаться выше, к бедру.

У нее нет вариантов отхода. Она уже капитулировала.

— Я... я не... м-м-м...

Новый глубокий выдох. Гораздо сильнее прежнего.

Она почти роняет бокал на диван — как и свое эго.

Тед подхватывает его и ставит на стол, другой рукой продолжая гладить ее по ноге.

От звона стекла Ханна вновь открывает глаза.

Ник продолжает водить пальцами по ее шее и приближаться губами к самому уху. Целует за мочкой... низко выдыхает. И произносит тихо, почти шепотом:

— Скажи, что тоже хочешь этого... Просто скажи, что ты тоже готова...

От его шепота мурашки бегут по всему телу, бросая ее то в озноб, то в жар.

В это время Тед склоняется к ее ноге. Сдвигает мягкую ткань штанины вверх и начинает целовать открывшуюся кожу. Внутреннюю сторону бедра. Глядя ей прямо в глаза.

— Мы будем хорошими мальчиками.

А-а-ах...

Она откидывается на грудь Ника. Он покрывает ее шею поцелуями. От них по затылку расходится горячая дрожь, и

кожа будто плавится.

Тед медленно поднимается по ее ноге — поцелуй за поцелуем, оставляя на ней огненные следы. Такие, которые она никогда не сможет стереть. И никогда не захочет стирать.

Он ждет ее. Они оба ждут ее слов.

Секунды растягиваются — в минуты, в часы. Никто не двигается.

Кровь бурлит в висках и, не задерживаясь, уходит вниз, к самым чувствительным точкам.

Больше она сдерживаться не может.

— Я... Да. Я очень... — начинает она шепотом, а затем чуть громче: — Я очень хочу этого... Да!

В следующее мгновение Ник легонько поворачивает ее подбородок к себе. И накрывает губами ее губы. Целует нежно. Проходится языком по нижней, затем по верхней губе, словно моля о награде. А когда его язык погружается глубже, она просто отдается моменту. Тает в его руках. Все ее тело — между двух полюсов, и ток идет от губ до самой линии бедра.

Он погружает ее в страстный поцелуй — языки сцепляются, изучают друг друга. Все вокруг больше не имеет зна-

чения. Ничего. Кроме него. Ханна не смотрит на Теда — она просто знает, что он там.

Она чувствует, как Тед задирает ткань выше, целует и покусывает ее бедра. Сжимает их — и отпускает. Они делают это с ней вдвоем: просто отключают мозг. Погружают в здесь и сейчас. Впитывают ее вздохи, стоны, дрожь. И пока Ник изучает ее рот, придерживая за шею, Тед наконец стягивает с нее штаны.

Он делает это так ловко и незаметно, что Ханна осознает: она осталась в одних трусиках, только когда его лицо оказывается между ее ног.

Он ведет теплым дыханием сквозь тонкое полупрозрачное кружево. А потом языком — по ткани, снизу вверх.

Сука!

Медленно. От самого входа до лобка. И его грубый, дерзкий стон — вот что вырывает ее из поцелуя Ника.

Она смотрит на Теда. Темные, сейчас почти черные глаза увлечены ее киской, открывающейся все больше, пока он сдвигает кружево в сторону.

Все. Она практически голая. Здесь. Перед ними.

Тед видит ее, ту ее часть, которую еще утром она и не думала показывать. Никому из них. Сегодня.

Ник на несколько секунд опускает взгляд туда, где Тед вылизывает ее, но от шеи не отрывается.

Он целует ее шею жадно. Губами, зубами... оставляя красные следы. Завтра они будут видны. Ей все равно.

Она больше не контролирует дыхание. Просто дышит. Пытается помнить, как дышать, глядя, как Тед погружает язык до конца. Как посасывает. Сильно, самозабвенно. Как отстраняется: по его губам, по подбородку — ее влага. Так много влаги.

Она копила весь вечер. С самого выхода из бара и до этой секунды.

Тед улыбается краешками губ и ныряет обратно.

Сначала мягко. Потом — нет. Он ебет ее языком: глубоко, ритмично, вцепившись ей в бедра. Так, как раньше ее ебали только членом.

Она смотрит — и не может осознать происходящее. Все это словно сон из другой реальности. Очень развратной. И очень ее.

Ник вновь накрывает ее губы своими. Он сменил позу, навис над ней и целует глубоко, требовательно, исследуя язы-

ком ее рот. Отвлекает. И у него получается — она не может удержать все ощущения разом. Пульсация между ног разрастается так, что она впивается в его губу и кусает. Не думая, насколько это больно. Прежде чем отстраниться, он поднимает ее подбородок и смотрит в глаза.

— Боже, черт! Господи!

Слова вырываются сами — она больше не держит их. Они вплетаются в общую композицию: причмокивания, стоны, ее сорванное дыхание.

— Да, еще, м-м-м... да, там...

Она говорит это Теду, а смотрит в глаза Ника. Серо-голубые. Небо перед ливнем — только ливень уже начался.

Ник начинает расстегивать на ней рубашку. Медленно. Пуговицу за пуговицей. Дойдя до последней, распахивает ее — и замирает, наслаждаясь открывшимся видом.

Соски налились так, что просятся наружу сквозь красное кружево. Он сдергивает его с одной груди и, не отводя взгляда от ее глаз, засасывает сосок.

— М-м-м...

В этот момент Тед отрывается от ее киски и возвращается к бедрам.

Это слишком. Слишком невыносимо. И слишком мало.

Ханна запрокидывает голову, закрывает глаза и вспоминает, как минуту назад он проталкивался языком сквозь кружево. Сильно, дерзко, резко.

Хороший мальчик.

Ник тем временем стягивает кружево и со второй груди. Он перекачивает сосок в пальцах, один, потом другой. А после засасывает.

Она не может видеть Теда, но может чувствовать его.

Он возвращается — теперь к самой чувствительной, уже набухшей точке между ее бедер. И подключает пальцы.

Ну блядь, он знает, что делать.

Он вводит в нее два пальца. Сразу два. Медленно — внутрь и наружу, словно выжидая. А затем язык возвращается к клитору. Пальцы внутри, язык сверху — и теперь они работают вместе.

Из груди вырывается стон — такой, что заглушает музыку.

Оба тут же вскидывают головы.

Она продолжает стонать. Нет — она еще не кончила. Она хочет видеть. Ей нужно держать глаза открытыми.

Тед, ухмыльнувшись, добавляет третий палец.

Все ее тело пульсирует. Все, к чему она когда-либо позволяла себе прикоснуться, сейчас поет в унисон.

Она стонет медленно, размеренно, набирая как можно больше воздуха.

Смотреть на них — пытка.

Ее два демона. Ее два бога.

Знать, что они делают, чувствовать — и видеть, как они обходятся с ее телом... Это невозможно. Это невыносимо. Это выше всего.

Тед ускоряется. Пальцы движутся быстрее, а язык больше не дразнит. Он всасывает ее клитор, сильно, без пауз. Мыслей больше нет, но сквозь туман она знает: близко. Уже близко.

Она лежит перед ними полуголая, расслабленная и напряженная одновременно. Раздвинув ноги. Полностью доверив себя, свое тело этим сильным, нежным рукам.

Опираясь на локти, она смотрит на Ника. Смотрит, как он играет с ее сосками, как сжимает их, как обхватывает губами и засасывает поочередно. Не спеша.

Она ищет его взгляда, и через пару секунд он чувствует. Поднимает голову, не выпуская сосок из пальцев.

Глаза в глаза.

Именно тогда она отпускает.

Отпускает все. Тело захватывает дрожь. Она смотрит, как он впитывает все, что она чувствует.

Пожалуйста. Не отводи взгляд. Будь рядом сейчас.

Пальцы Теда скользят внутри, она слышит его поцелуи — но смотрит на Ника. Голова сама запрокидывается.

Тело пульсирует. Мысли гаснут.

Она приняла это. Она пропала.

* * *

Когда дрожь наконец отпустила, она обмякла. Ник все еще целовал ее губы, медленно, смакуя последние секунды. Потом отпустил.

Ханна открыла глаза и наткнулась на прищуренный взгляд Теда. Хитрый. Он все еще был там, внизу.

Он поднес пальцы, блестящие от ее влаги, к приоткрытым губам — медленно, словно ждал именно этого зрительного

контакта. И только тогда погрузил их в рот.

Пульсация между ног стихала, но Ханна до сих пор не могла пошевелиться. Грудь поднималась и опускалась в рваном ритме.

Ник запустил ладонь в ее волосы и притянул к себе. Поцеловал в лоб, пока она сосредоточилась на губах Теда.

— Хорошая девочка, — сказал Тед. А затем медленно вернул ее трусики на место — так, словно снова завязывал ленту на коробке с подарком. И выпрямился.

Он сделал глоток вина.

Ханна приподнялась и села, свесив ноги с дивана.

Щеки пылали. Она на секунду накрыла лицо ладонями. А потом, повторив недавнее движение Теда, потянулась к холодному стеклу бокала и выпила залпом.

Она была не просто хорошей девочкой. Она была отличной девочкой. То, что она сейчас сделала, подняло ее уверенность в себе на уровень, о котором она и не мечтала. За какие-то сутки. Нет, за несколько часов. За последние двадцать минут.

Сознание возвращалось. И вместе с ним, без стука, дверь приоткрыло легкое смущение.

Когда Ник чуть сдвинулся и она перестала ощущать его тепло, ей вдруг стало пусто. На грани боли.

Ханна пыталась отогнать поток новых мыслей и вопросов. Правда пыталась. Этот вечер она заканчивать не собиралась. Свою порцию десерта она получила — но быть хорошей девочкой сегодня больше не хотела. Не могла.

Она собиралась быть плохой девочкой. До конца.

Повисла тишина. Ханна, чуть нахмутив брови, изучающе посмотрела на лица своих любовников.

Они... они уже были ее любовниками?!

Она сделает то, что не сделать не может. Отплатит той же монетой. Она хочет увидеть их такими же: пылающие щеки, сорванное дыхание, блеск глаз, которые уже не могут при-творяться.

— Я вкусная?

Она не успела подумать. Слова выпали сами. Голос звучал уверенно, но внутри — один натянутый нерв.

Никогда раньше она не была такой прямой. Но сейчас ей нужно было вернуть свою силу. Чтобы они играли в ее игру, а не подминали под свои правила. Она сама согласилась на все это. И она получит то, чего хочет.

От неожиданности Тед поперхнулся.

— Ебать, Хан. Ты самое сладкое пирожное. После которого я больше не захочу пробовать другие.

Ник тем временем вернулся из кухни со стаканом воды — она и не заметила, когда он успел встать. Он действительно чувствовал себя здесь как дома.

Он опустился на диван чуть ближе к ней, чем раньше. Сейчас он казался максимально расслабленным за весь вечер. На его лице не было ухмылки Теда — но было что-то другое: спокойная уверенность и желание. Жажда, ждущая своего часа.

— Я еще не успел попробовать.

Ее щеки покраснелись еще сильнее, хотя казалось, что больше некуда.

— Но твои соски на вкус как клубника. — Он посмотрел на розовый сосок, выглядывающий из-под сдвинутого лифчика.

Тед подался к ней так быстро, что она не успела отреагировать: накрыл сосок губами. Причмокнул. Отстранился.

— М-м... Обожаю клубнику.

Ханна знала: все это было лишь передышкой. Но что делать дальше, пока не придумала. Да и не хотела думать. Хотелось просто плыть по этому горячему течению — она уже тонула в нем.

Тед завладел ее губами. Теперь вел он.

Ник просто наблюдал. Пока Тед медленно не опрокинул ее на диван — так, что голова оказалась у Ника на коленях.

Тед вбивался в ее рот языком — напористо, ненасытно. Пробуя ее на вкус по-своему. Совсем не так, как это делал Ник.

Потом оторвался от ее губ и посмотрел ей в глаза. Уголок губ пополз вверх, на щеке проступила ямочка. В его лице появилась опасная мягкость.

Он неспешно отодвинулся, оставив ее лежать в этой позе: головой на коленях Ника. Затылком она чувствовала, как натянулась ткань его брюк. И точно знала почему.

Ханна села обратно. С провокационными вопросами пора заканчивать. Или они так и будут дразнить ее и валить на диван, пока ее губы не станут совсем пунцовыми и опухшими. Но она уже распалилась. Ей хотелось продолжить игру.

Она посмотрела на запястье и провела пальцами по полу-месяцам. Они переняли тепло ее кожи, но оставались глянцевыми и холодными.

Ок. Посмотрим, кто здесь на самом деле ведет.

Ей захотелось подразнить их. И она выбрала целью Теда. Показать, что его напор и уверенность можно пошатнуть.

Она позволила расстегнутой рубашке сползти с плеч. Две пары глаз пристально следили за каждым ее движением. Волосы рассыпались по обе стороны шеи. Ханна осталась в одном белье.

Она смотрела только на Теда. Ник для нее сейчас словно не существовал.

Атлас остался лежать на диване. Она отвела взгляд от Теда, своего единственного зрителя, и повернулась к партнеру по этой сцене.

Не опуская глаз, потянулась к его ширинке. Туда, где совсем недавно затылком чувствовала пульс.

Ник замер. Казалось, перестал дышать. Отдал ей поводья. А потом чуть повернулся — так, что пряжка ремня оказалась прямо под ее руками.

Ханна щелкнула замком и взялась за молнию. Треск прошелся по ее коже мурашками. За спиной шумно выдохнул Тед. Она не обернулась.

Лицо Ника было выше, и она не могла смотреть ему в глаза, когда высвободила его член. Твердый, горячий, блестящий от смазки. По нему стекала капля.

Ник такого не ожидал. Она поняла это по тому, как он отвел за спину подрагивающие руки и оперся на них.

— Ханна... — сказал он на выдохе.

Она сомкнула пальцы кольцом и прошла по нему — раз, другой, — сидя вполоборота. В висках отбивало предвкушение. Внутри разрасталось игривое нетерпение.

Опершись ладонью на колено Ника — он ловил глазами каждое ее движение, — она обернулась к Теду. Медленно убрала волосы с лица на одну сторону, за шею: чтобы ему открылся полный обзор. И облизнула губы.

Тед побледнел. Вся эта сцена, где главная роль досталась не ему, застала его врасплох. Он сидел неподвижно и, кажется, не дышал. А потом поднял подбородок и посмотрел на нее в упор.

Она поймала этот взгляд и, не отпуская его, опустилась

губами на член Ника.

— Сука, — выдохнул Тед.

Ее маленькая победа. То, что слова вырвались именно у него, означало: он пал. Просто пал от этого вида. Потерпел поражение.

Она была для него хорошей девочкой. Но он был еще более хорошим мальчиком — так отчаянно откликался на любое ее движение.

Ханна продолжала: медленно, глубже с каждым разом. Время от времени выпускала член изо рта, добавляла слюны для скольжения и возвращалась. Ник то запрокидывал голову, то снова смотрел на нее. Зажмуривался. Его рваные вдохи. Низкие звуки, которые он уже не сдерживал.

Ханна погружала его в рот неторопливо, словно в замедленной съемке. Она хотела сделать им максимально больно. Максимально хорошо.

Раз в минуту она освобождала рот и, продолжая водить рукой, смотрела в глаза Теду. Тот не шелохнулся. Только губы сжались в тонкую линию. Но заканчивать она не собиралась. Она знала, куда надавить. Еще раз послала ему хищный взгляд и стала действовать настойчивее.

Теперь с каждым новым погружением член входил все глубже, до самого горла. Рот заполнялся слюной, Ханна собирала ее губами и смачно скользила по всей длине.

Комнату наполнили новые звуки: к его дыханию и низким стонам подключился влажный ритм ее губ.

И тогда она нанесла главный удар.

Она начала постанывать. Сначала тихо и протяжно, наслаждаясь, — потом все громче. Она лежала поперек дивана, упираясь локтями в бедра Ника, и чувствовала, как под ней вибрируют его мышцы.

Когда она отстранилась отдышаться и обернулась на Теда — тот уже давно вышел из оцепенения. В его руке был член, выпущенный из ширинки; он сплюнул на ладонь и продолжил.

Она внутренне возликовала. С каждой минутой их игры набирали новую высоту — напряжение росло в каждом по-своему, но одинаково сильно. И это было далеко не финал: все происходящее ощущалось как высокая волна перед самым цунами. Подготовка к тому, чего жаждал каждый. К последнему акту ее партии.

Ханна почувствовала, как по бедру стекает влага. На долю секунды стало страшно: сколько еще она выдержит сегодня?

Что будет, когда они погрузятся в нее по-настоящему? Было ли у нее хоть раз в жизни что-то похожее?

Очередной непрощеный вопрос повис в воздухе и тут же растворился в ее горячем дыхании.

Она встала на четвереньки, прогнувшись. И поняла: Ник уже близко.

Она заглотила член так глубоко, что горло тут же отозвалось тяжелыми, влажными звуками — движущейся слюны, входящего и выходящего воздуха. Нежные ласки кончились. Осталось лишь желание, доведенное до предела.

Она больше не управляла собой. Ник сжал ее волосы в кулак и начал насаживать ее голову на член — размеренно, глубоко.

Ханна дышала через нос и просто отдалась этому ритму.

Очень скоро он напрягся весь — и в горло ударила горячая струя.

Ник придерживал ее голову, не отпуская. Потом медленно разжал кулак, провел рукой по ее волосам. Она проглотила все. До последней капли.

Но это был еще не конец.

Она отодвинулась и обернулась к Теду.

Его лицо горело, рука двигалась быстро, почти яростно. Он зажмурился, дернулся и залил ладонь и джинсы.

Ханна поняла: закончить представление — дело нескольких секунд.

Она медленно подползла по дивану. Он даже не успел открыть глаза. Только в последний момент он поймал ее движение растерянным взглядом — и она опустила губы на его член.

— Блядь... сука! — прорычал он.

Она обхватила губами головку и собрала все, что пролилось секундами раньше. Потом притянула его ладонь и слизала с пальцев остальное.

Закончив, села на колени рядом с ним, посмотрела ему в лицо и произнесла:

— Ты тоже очень сладкий. Как десерт.

* * *

Ханна оставила их и пошла в душ. И только закрыв за собой дверь, поняла: больше всего ей хотелось просто выдохнуть. Не от переизбытка чувств — от напряжения, которое снова копилось в голове само собой. Расслаблять мозг никогда не было ее сильной стороной: он всегда найдет, о чем подумать.

Она включила воду и позволила теплым струям ласкать тело. Смыть их запах не хотелось. Хотелось просто продышаться. Пережить эту пульсацию между ног — то отпускающую, то накрывающую снова.

Капли сбегали с плеч до самых ступней, оставляя за собой чистоту и новую волну мурашек. Она знала: случившееся уже не вернет ее к прежней Ханне. Но она и не хотела возвращаться.

Цунами, которого она ждала, накрыло — и смыло все. А она не чувствовала себя разрушенной. Только свободной. Ей нравилась эта сила, эта власть над ними. Нравилось впитывать их взгляды, их дыхание, их жажду. И смотреть, как ее тело отвечает тем же.

Обернулась полотенцем и взглянула в зеркало. Казалось, с того момента, когда она видела себя в отражении в баре, прошла целая жизнь.

Ханна любила секс и всегда отдавалась ему без оглядки. По крайней мере, так она думала. Но сегодня — то, как она вела себя, какие взгляды бросала, не оставляя ни секунды стыду... Сегодня проснулась другая Ханна. Та, что всегда жила внутри и ждала своего часа.

Приложила ладони к порозовевшим щекам, будто проверяя, не сон ли все это. Выдохнула. И еще раз улыбнулась себе в зеркале.

Единственное место, куда ее тянуло, — обратно. К ним. Никакой игры больше нет. Она просто будет собой.

Хотя... кем она была весь этот вечер, если не собой?

С этими мыслями она вышла.

В спальне она накинула шелковый халат — трусики и лифчик были безнадежно влажными. Эрик даже ухом не повел: видел десятый сон на коврике в углу.

Она залезла в теплые носки, открыла ящик и достала ярко-розовые стринги — те, что не надевала ни разу. Они всегда казались ей неудобными и ненужными. Но сегодня, едва коснувшись кожи, оказались самым удобным бельем в ее жизни.

Вернувшись в гостиную, она увидела Теда: тот развалился на диване, листая книжку. Один. Видимо, Ник ушел умыться.

Проходя мимо журнального столика, Ханна вдохнула аромат пионов — несколько бутонов уже начали раскрываться. Мягкий запах окутал ее, как успокоительное. Она прихватила из открытой коробки эклер и с улыбкой упала на диван рядом с Тедом, перекинув ноги через его колени.

Он приподнял бровь, отложил книгу и одарил ее своей

фирменной ухмылкой. А после потянулся — и откусил кусок эклера прямо у нее из руки.

— Эй!

Тед лишь довольно сощурился — и взял со стола корзиночку с клубникой.

Сможет ли она когда-нибудь смотреть на клубнику как раньше? Кажется, нет.

Они жевали и смотрели друг на друга, улыбаясь. Ханна больше не думала о том, что будет. Просто смотрела, как Тед уминает пирожное — не притворяясь и не соблазняя. Тот еще сладкоежка.

— У тебя это не впервые?

Он перестал жевать.

— Да, Ханна, я не в первый раз ем десерт с клубникой, — ухмыльнулся Тед и продолжил с набитым ртом: — Может, не с такой сочной. Но я всегда был сладкоежкой.

Она ткнула его в плечо, и Тед только шире улыбнулся.

— Перестань! Ты знаешь, о чем я!

Он положил ладонь ей на колено.

— Ну да. Раньше я больше любил персики. Но клубника, видимо, заняла первое место.

— Скажи, ты всегда шутишь, когда тебе неловко?

— Ой-ой, посмотрите, как мы заговорили. — Он откусил еще кусок. — Я бы поучился у тебя: вести себя так серьезно, когда неловко.

— Что ты имеешь в виду? — Ханна вдруг затихла.

— Ну, готов поспорить: то, что происходит, — для тебя точно в новинку.

Она нервно сглотнула.

— Но по тому, как ты держишься, я бы никогда не сказал. Такая концентрация — это дар. — Он погладил ее колено.

— Ты не ответил на вопрос.

Он доел последний кусок и чуть сжал ее колено.

— Угадала. Я не новичок в таких развлечениях. Но как сегодня — никогда.

— В смысле... ты имеешь в виду?..

— Третью сторону. Скажем так: раньше в подобных вече-

рах я был единственным мужчиной. И единственным, кого «обслуживали».

Она снова пихнула его в плечо так, что он качнулся, и рассмеялась. В этот момент вернулся Ник.

Интересно, что он подумал, увидев их — словно влюбленную парочку, распластавшуюся посреди дивана?

— Я бы заказал пиццу.

Оба тут же обернулись к нему.

— Какую возьмем?

Он обращался к ним. Не к ней — к ним.

— Мне без разницы, — сказал Тед. — Я так голоден, что съем любую. Решайте.

Ник и Ханна посмотрели друг на друга — и произнесли одновременно:

— С ананасами!

И оба рассмеялись.

— Вы долбаные извращенцы! Кто, нет, правда — кто в здравом уме ест пиццу с ананасами?! — Тед округлил глаза и замотал головой.

— Но это же самая вкусная пицца. — Ханна развела руками.

Ник коротко улыбнулся ей и начал вбивать заказ.

Тед ушел в душ, и они остались вдвоем.

Ник занял его место и перекинул ее ноги через свои колени.

Они сидели в тишине. Ник не гладил ее колено, как Тед две минуты назад. Вместо этого коснулся ее щеки и убрал выбившуюся прядь ей за ухо.

— У тебя невероятные глаза. Особенно когда ты смотришь вот так — будто у тебя есть план.

Щеки вспыхнули оттого, как быстро к ним прилила кровь. Наверняка выступил румянец. В который раз за день.

Ник взял ее ладонь и поднес к губам. Поцеловал тыльную сторону, не отрывая взгляда от ее глаз. Потом перевернул ладонь — и его губы двинулись по внутренней стороне, поцелуй за поцелуем, по тонкой коже до сгиба.

Они были такими разными. Один — огонь, в котором она сгорала дотла. Другой — теплый ветер: врывается в легкие и давал вдохнуть полной грудью.

Она прикрыла глаза и протяжно выдохнула.

— Такое... для тебя тоже впервые?

В отличие от Теда, Ник не стал ходить вокруг да около.

— Да. И это было потрясающе. — Он провел большим пальцем по ее губам, потом вдруг словно засомневался и снова убрал ей прядь за ухо. — Почему ты спрашиваешь? Тебе... понравилось?

— Боже, да. Я просто... я раньше никогда не была такой. Такой...

— По-моему, ты всегда была такой.

Ханна чуть наклонила голову, и Ник продолжил:

— Уверенной и страстной. Нежной и дерзкой. Мне не нужно задавать вопросы — я это вижу. И видел всегда. С самого первого дня.

Он переплел ее пальцы со своими, потом взял вторую руку — ту, на которой висел браслет. И сложил обе у нее на коленях.

Она вдруг подумала: он всегда знал больше, чем говорил. Или просто принял эту ситуацию, в которой они были здесь вдвоем.

Втроем.

Тед вышел из ванной и заявил с порога:

— Эй, это мое место!

С его волос стекала вода, полотенце висело на шее, и по голому торсу плавно скользили капли — все ниже.

Блядь.

Она попала.

Она могла бы смотреть на это тело бесконечно. Вечно.

Ни один из них еще не разделся догола, но она уже представляла, какой мукой будет увидеть их без всего.

Тед потрепал мокрые волосы и медленно натянул джемпер прямо на влажную кожу. Словно издевался. Занял место рядом с Ником, достаточно далеко, чтобы не касаться его, но достаточно близко, чтобы оба смотрели прямо на нее. И начал разминать ее ступни.

Казалось, перерыв никому не был нужен. Пока ждали пиц-

цу, болтали обо всем на свете: что неплохо бы сгонять в другой тапас-бар и сравнить; что «Вспышка», возможно, не такое уж плохое место, как раньше думал Ник; про музыку, про последние просмотренные фильмы. То, что произошло между ними, не обсуждали. Они просто звучали вместе. Как оркестр, где каждый чувствует, когда вступить, а когда от-
дать ведение другому.

Они уже уплетали пиццу, одну огромную на троих, когда Тед, доедая новый кусок, вдруг выдал:

— Все-таки эти ваши ананасы — это не по-настоящему. Это же шутка, да? Как можно любить пиццу с ананасами?

Ханна и Ник переглянулись и приснули.

— Ну как ты не понимаешь! — Она закатила глаза.

— Если он не понимает — он не поймет, — вставил Ник.

— Но он должен! Тут сочетается несочетаемое, и в этом вся прелесть. Сладость ананаса усиливает вкус мяса и сыра. Кроме того, ананас содержит бромелайн — фермент, который помогает расщеплять белки. Плюс витамин С, витамины группы В, марганец...

Парни переглянулись.

— ...Хотя, судя по тому, как быстро ты все съел, ты про-

сто не можешь признаться, что теперь это твоя любимая пицца. — Она изогнула бровь в ожидании возражений.

— Сейчас я съел бы и быка, Хан. Но после такой лекции, так и быть, признаюсь: я на двадцать процентов стал лучше относиться к ананасам. Но не на пицце.

Все трое рассмеялись.

Когда с пиццей было покончено, Ханна откинула голову на спинку дивана и притянула колени к себе. Ей так нравился этот вечер. Никто из них не смотрел ни на часы, ни в экраны телефонов. Она просто хотела быть здесь и ни о чем не думать.

Ник унес коробку от пиццы на кухню и вернулся с новой бутылкой вина.

Они поболтали еще около часа. Время незаметно подкралось к полуночи. Но спать совсем не хотелось. Она держалась своего решения: плыть по течению. Бразды теперь у них, а она посмотрит, как они ими распорядятся.

Ханна по обычаю вытянула ноги им на колени. Разговор стих, и тишина продлилась чуть дольше двадцати секунд, прежде чем Ник нарушил ее:

— Ты не устала?

Так. Что?.. Нет. Почему он спросил?

Внутри разом похолодело.

— Эм... нет. Совсем не устала. Почему ты спрашиваешь?

— Просто это твой дом. Ты же скажешь, если устанешь, да?

Тед внимательно следил за ее реакцией, но молчал. Оба ждали ответа.

Блядь, они что, решили съебаться? Вот так, после всего?!

Она мигом выпрямилась.

— Нет. Я не устала. И да, это мой дом, но вы мои гости. Я... я не хочу, чтобы вы уходили.

— Если ты не хочешь — мы не уйдем, — Ник проговорил медленно, взвешивая каждое слово. — Дело не в этом. Чего хочешь ты?

— Да, Ханна, — подхватил Тед, и впервые за вечер в его голосе не было ни капли шуток. — Чего хочешь ты?

Блядь, сука...

Трусики вновь начали намокать — от одного их тона.

Вопросы, вопросы, вопросы... Она еще и отвечать должна?

Сейчас они были заодно. Они двое. Они трое.

Но, решив час назад больше ничего не решать и плыть по течению, она, похоже, забыла: чтобы выбирать направление, нужно весло.

— Я не понимаю. Какой ответ вам нужен? Разве это не очевидно?!

Она не хотела отвечать грубо. Но их вопросы начинали бесить — и, кажется, это стало понятно по тому, как она скрестила руки на груди.

Все трое замолчали.

— Если это неочевидно — я не знаю, как еще показать!
— вырвалось у нее.

— Хан, — протянул Тед, — ты не так поняла. Ты точно понимаешь, что ты этого хочешь? Что тебе это нужно?

— В смысле? — Она все еще злилась.

Ник молча взял ее за руку.

— Вы... — она набрала воздуха, — вы не хотите «этого»?

Она вопросительно взглянула на обоих по очереди.

— Боже, блядь, Ханна. Как можно не хотеть этого — с тобой? Я уже второй час хожу со стояком, — Тед выразительно указал вниз, — я в душе готов был еще раз подрочить, лишь бы отпустило.

Она чуть не рассмеялась, но сдержалась и лишь мотнула головой, пряча улыбку.

— Ты понимаешь, что это изменит все? — Ник выждал. — Ты можешь пожалеть. После. Или передумать — сейчас.

Она села прямо, убрав ноги, и надела самое серьезное выражение из своего арсенала.

— Боже, мы ведь говорим про секс, да? Это секс. Не татуировка и не изменение личности. Я хочу секса с тобой. И с тобой. Я хочу секса с вами обоими.

Ник не двигался.

— Просто... если мы начнем, мне будет сложно себя контролировать. Я не хочу сделать тебе больно. И не хочу, чтобы ты потом передумала. Я хочу тебя. Сильно. И уже давно. Мне просто нужно, чтобы ты понимала последствия.

— Бля, чел, ну ты завернул. — Тед провел ладонями по лицу. — Хан. То, что ты охуенно сексуальная и мы, два взрослых мужика, хотим поиметь тебя во всех позах, — это, блядь, понятно. Это естественно, это, сука, неопровержимо. — Он выдержал паузу. — Вопрос в другом. Ты готова, что твою киску и твой рот будут иметь до изнеможения? И не пожалеешь ли утром? Не будешь ли потом нас ненавидеть?

Ник смотрел на нее внимательно. Без улыбки. Без игры.

— Ты можешь передумать, — сказал он спокойно. — Даже через минуту.

Она сглотнула.

— А если я не передумаю?

Тишина в комнате стала плотной. Но не тяжелой. Ханна убрала волосы с лица, откинула их назад.

— С чего вы взяли, что я не понимаю, что делаю?

Ник не отвел взгляда.

— Потому что ты привыкла контролировать. А там — не сможешь.

Фраза задела. Он попал в точку.

Она медленно обвела их взглядом, одного за другим. Игр больше не было. Только слова и звенящее в воздухе напряжение.

Ханна поднялась с дивана и встала перед ними.

— Именно поэтому я и хочу, — сказала она тише. — Хочу не контролировать. Хочу отпустить контроль. Весь. Отдаться этому.

— Отпустить — это не значит исчезнуть, Хан.

Она кивнула.

— Я не исчезну. Обещаю.

Она развязала пояс халата, но не сбросила его. Просто позволила ткани разойтись и открыть больше тела.

— Но и вы пообещайте мне кое-что. — Она выдержала паузу. — Я не хрустальная. И я не разобьюсь. Не осторожничайте со мной. Мне нужны настоящие вы. Оба.

Ник медленно провел взглядом по распахнутому вырезу халата.

— Настоящие — это без стоп-слов?

Она нахмурилась.

— Если я остановлю — вы остановитесь?

— Да.

— Тогда остальное не важно.

Тед взял ее ладонь в свою. Второй рукой медленно провел по внутренней стороне ее бедра.

— Хан. А если ты завтра проснешься и скажешь, что мы мудаки?

— Тогда вы будете мудаками. — Уголок ее губ дрогнул.

— Но сегодня я выбираю вас. Этого я и хочу.

Ник выдохнул.

Ханна отвернулась и пошла в сторону спальни. На полпути позволила темному шелку сползти с плеч. Халат остался лежать на полу. Она стояла спиной к ним, в одних трусиках. Без единой стены.

Обернулась через плечо:

— Идем?

Глядя на обоих сразу.

* * *

Она вошла в спальню и цокнула пару раз — Эрик сонно поднялся с коврика и послушно вышел за дверь. Стянула носки.

Ханна решила: на этом ее команды на сегодня заканчиваются. Они просили отпустить контроль. И она отпустит.

Не думать. Сделать.

Она включила прикроватный свет — мягкий, не бьющий в глаза. Он осветил кровать ровно настолько, насколько нужно.

Шагов позади она не слышала — да и не оглядывалась. Подошла к кровати и легла по центру. Она обещала довериться. Хотела отдаться.

Первым вошел Ник — и окутал ее взглядом, в котором больше не было сдержанности. Он снял оковы, которые носил весь вечер. Она знала: он не будет притворяться и щадить ее. Он будет настоящим. Как обещал.

Следом вошел Тед и закрыл за собой дверь.

В нем читалась другая энергия, спокойнее той, что она

наблюдала весь вечер. Плавные движения, сосредоточенное лицо. Улыбка пропала даже с уголков его глаз.

В них осталось желание. Только теперь... мягкое.

И она ждала ощутить его во всей мощи.

Оба остановились у изножья кровати. Ник начал расстегивать рубашку — медленными, отточенными движениями. Ханна не успела увидеть, как он справился с брюками: взгляд уже метнулся к Теду. Тот стянул джемпер одним движением, через голову. Когда она вернулась глазами к Нику, он уже стоял в одних боксерах.

Она ловила каждое движение. Кожа Ника была светлой, почти фарфоровой — свет ложился на нее мягко, обрисовывая тяжелые, плотные мышцы. Он был крупным. Литым. На предплечьях проступали вены, теперь отчетливее, чем в баре.

Тед — другой. Сухой, поджарый: каждая мышца прорисована, кубики пресса, длинные пальцы, неспешно расстегивающие ремень. Отблеск света прошелся по его коже медовым оттенком и отразился в зеленых глазах. Они были полны нежности. И снимали с нее взглядом оставшееся белье.

Такие разные. И такие совершенные. По телу пробежал ток — сверху вниз, мурашками, — и осел горячим между ног.

Ханна вытянулась, проехав чуть ниже по простыням, и завела руки за голову.

Они подошли к кровати с разных сторон. Матрас прогнулся под обоими разом.

Ник провел рукой по ее предплечью — тем же маршрутом, что и на диване. Но теперь в движении был напор. Больше он не осторожничал. Скользнул пальцами по ее шее и прикоснулся губами к ложбинке между ключиц.

Тед тем временем опустил к ее соску — и втянул его губами. Нежно. Совсем не так, как раньше: еле заметно прикусив напоследок. Не оставляя следов. Она запустила пальцы в его волосы и чуть сжала.

Ник перехватил ее ладони, поднял вверх и сжал оба запястья одной рукой. Продолжая целовать шею.

Ханна издала тихий протяжный стон:

— М-м-м...

Говорить она не могла. Только закрывать и открывать глаза — от удовольствия, от волн, которым не было предела.

Тед уже перешел ко второму соску, когда она не сдержалась:

— Да-а-а... О... да-а...

И этот стон словно снял предохранитель. Она приоткрыла глаза — и увидела, как ее любовники переглянулись.

Ник отпустил ее руки и спустился ниже. Тед повторил за ним.

Они потянули ее трусики — одновременно, медленно, — стянули по бедрам и оставили где-то у изножья.

Теперь она лежала перед ними полностью голая.

Ни одежды. Ни вопросов. Ни контроля.

Она вновь завела руки за голову — сама. Отдавая себя своим демонам. Своим богам, весь день склонявшим ее к вере.

Тед провел ладонью по ее бедру, выше и выше, и мягко развел ее ноги. Он смотрел ей в глаза, не отрываясь. Под ягодицами намокали простыни.

Затем переместился к изголовью, лег рядом на бок, и его дыхание оказалось у ее виска.

Ник снял боксеры и навис над ней, между ее разведенных ног. Она почувствовала его горячую головку — прямо на входе. Ник медленно провел ею снизу вверх и обратно. Еще раз. Подготовка была не нужна: она была готова весь вечер. Она не могла смотреть на него — взгляд утонул в гла-

зах Теда. Просто дышала. Глубоко и размеренно.

Тед целовал ее долго, наслаждаясь. Потом переплел свои пальцы с ее. Сжал.

Она осталась недвижимой. И это было прекрасно. Позволить им вести.

Ник заводит ладони под ее ягодицы — и, больше не играя, входит. Одним толчком. На всю глубину.

Блядь.

Это стремительно. Не нежно. Она прикусила язык Теда, выдыхая новый стон ему в губы.

— М-м-м... Боже...

— Тебе нравится, да? — прошептал Тед, касаясь губами мочки. — Ты ведь послушная девочка?

Ник двигался все увереннее.

Она не отвечала. Не могла.

— Скажи, Ханна, — шепот Теда стал ниже. — Скажи, что ты послушная девочка.

— Да... Боже... — слова полились сами. — Я очень послушная девочка...

— Умница. А теперь перестань думать. Совсем. Просто будь с нами.

Он сжал ее грудь и погрузил язык ей в ухо. Вновь прошелся по мочке. И тяжело выдохнул.

Лица Ника она не видела. Она хотела смотреть только на Теда. На то, как он говорил с ней, как расслаблял. Он был так близко и ловил каждую ее реакцию — ему явно нравилось наблюдать, как они ее развращают. Наблюдать ее падение.

Ник набирал темп, крепче сжимая ее ягодицы. Но стыда больше не было. Не осталось ничего, кроме наслаждения и волн... одна выше другой, разгоняющихся перед штормом.

Она вытянула шею, закатывая глаза, и ток прошел от пульсирующего клитора вверх, по всей коже. Ник плюнул себе в ладонь и накрыл его большим пальцем. Надавил нежно. Затем сильнее. В том же ритме, в котором двигался сам.

По ее телу скользили руки Теда: от шеи вниз, к животу. Он то мягко поглаживал ее грудь, то крепко сжимал.

Это было несравнимо ни с чем. Лучшее в мире отключение мозга. Стоило ему замолчать, и командование приняло тело. Теперь решало оно.

Тед вдруг застонал ей в самое ухо, низко и хрипло:

— К черту!

В следующее мгновение он высвободился из боксеров и встал на колени у ее лица. Провел головкой по ее влажным губам. И прошептал:

— Открой рот. Хочу почувствовать твое горло. До конца.

Тело отозвалось на просьбу раньше нее самой. Губы приоткрылись.

Тед уперся рукой в стену за кроватью, второй придержал ее голову. И медленно заполнил ее рот.

Его плотность и жар во рту были как глоток кислорода. Она больше не хотела дышать иначе. Только так: с его членом в горле или обхватив губами твердую головку.

Сейчас. Они оба были в ней.

И она уверовала.

Глаза увлажнились. Она чувствовала Ника внутри, его крепкие ладони на своих ягодицах, и одновременно старалась не выпустить Теда. Рот наполнялся слюной и смазкой. Тед двигался медленно, размеренно, так бережно придерживая ее голову, что она сама подалась вперед, впуская его

глубже.

— Блядь. Сука. М-м... Да, Ханна, глубже!

Она сглотнула и обхватила его плотнее. Без рук. Только ртом.

Все звуки слились воедино: влажные шлепки кожи о кожу в ритме Ника, рычание Теда, ее собственные глухие стоны.

Самый, сука, идеальный оркестр.

Тед вошел еще пару раз до самого горла, отпустил ее голову, обхватил член ладонью — и кончил ей на грудь, горячо и много. Она облизнула губы, поймав знакомый запах, и улыбнулась.

Теперь она смотрела на Ника. Он водил взглядом по тонкой коже ее груди. Лицо горело, волосы упали на лоб. По виску скатилась капля пота. Он продолжал вбиваться в нее.

Потом посмотрел ей в глаза и зажмурился. Толчки стали резкими, рваными. И Ханна почувствовала, как между бедер разливается тепло. Он кончил. Прямо в нее.

Едва ощутив это тепло, она сжала бедра и, громко выдохнув, дала себе кончить.

Потом расслабилась. Положила ладони на живот. Пальцы

в сперме.

Умница.

Ник вышел из нее и упал рядом, оставив руку на ее бедре. Тед лежал с другой стороны и смотрел в потолок.

Она лежала между двумя мужчинами, чувствуя кожей каждого. Так далеко друг от друга. Так близко к ней. Это было прекрасно. Больше чем прекрасно.

В комнате вдруг стало нечем дышать. Простыни, кожа, воздух — все пропиталось запахом секса. И эта духота уносила ее куда-то в nirvanу.

Ханна повернула голову и посмотрела на Теда. Отдыхать не хотелось. Она была готова на следующий раунд, но у нее появилась идея поинтереснее.

Придвинулась и положила голову ему на плечо. Его член все еще приходил в себя.

Отпустить — не значит исчезнуть. Твои слова.

Повернула его лицо к себе и накрыла его губы глубоким поцелуем. В его глазах были томность и отрешенность. Такого стремительного продолжения он точно не ожидал.

Закинула бедро на него и углубила поцелуй. Сначала они

играя изучали друг друга языками, не торопясь. Затем все жаднее. С каждой минутой.

Казалось, они целуются уже четверть часа. Но нельзя было думать о времени. Она обещала.

И тут под бедром ощутила пульсацию. Тед снова был готов.

— Что ты задумала? — спросил он сквозь поцелуй.

— Расслабься. Отпусти мозг. — Ханна усмехнулась и подмигнула.

Она оседлала его и завела его руки за голову. Так, как они делали с ней совсем недавно. Минутами или часами ранее.

Ханна медленно опустилась на его член. Взгляд Теда был прикован к ней. И когда она начала двигаться, то почувствовала, как тепло, оставленное Ником, разливается между ними.

Она оглянулась на Ника. Он лежал на боку, подперев голову рукой, и наблюдал. Взгляд неспешно шел по ней: ягодицы, поясница, волосы, рассыпавшиеся по спине.

В его глазах читалось обожание. Но она уже знала: он умеет быть и другим. Дерзким. Жестким. Он открывался ей поразному — и, кажется, показал еще не все.

Она отпустила руки Теда и начала набирать скорость, упиравшись коленями в матрас. Тед приподнялся на локтях, ладонью стер с ее груди свои следы и прижался губами к соску. Впитывая ее «клубничный» вкус. Он подавался бедрами ей навстречу.

Они двигались в унисон, и Ханна пальцем поманила Ника ближе. Он поднялся и придвинулся сзади, не нарушая их ритма. Провел ладонями по ее спине, собрал волосы, отвел их в сторону. И прижался губами к шее — к своему любимому месту. Оставляя новые отметины.

Комната вновь наполнилась звуками.

Тед то и дело поднимал лицо от ее груди и цеплялся за нее взглядом. Будто проверяя: с ним ли она.

Ник сжал ее ягодицы обеими ладонями и стал помогать: приподнимал и опускал ее, насаживая на член ее второго партнера. Глубже с каждым разом.

В первый же раз она успела заметить: Тед вскинул взгляд на Ника. Доля секунды — и оба вернулись к своему делу.

Ханна больше не могла терпеть это напряжение. Ник разогнал ее так, что каждое опускание пробивало ее насквозь.

Она чувствовала их дыхание: частое у Теда, прямо перед

ней. И медленное, обжигающее у Ника, в шею, в волосы.

Ник словно прочитал ее мысли. Его ладонь скользнула вниз и легла на клитор. Он поглаживал, надавливал — в такт чужим толчкам.

Он точно чувствовал пальцами каждый толчок Теда — у самого входа. И это его не остановило. Наоборот, будто раззадорило.

Еще толчок. Еще. Напряжение во всем теле было таким, что растворяло все остальные чувства.

— Я близко... Я уже... Я почти... Еще...

После ее слов оба задвигались быстрее. Сейчас не было стоп-слов. Не было ограничений. Только безудержные толчки и давление на самую чувствительную точку.

Из нее вырвался рык — животный, незнакомый. Она даже не знала, что умеет так. Последний, самый дикий инструмент их оркестра.

Тело пробило дрожью, раз, другой, и она обмякла. Ник поцеловал ее в затылок. А она медленно опустилась на грудь Теда, уткнулась носом ему в шею. Вдохнула.

Полежав так несколько секунд, восстанавливая сердцеби-

ение, она соскользнула с Теда. Ник мягко приподнял ее и уложил по центру кровати. Лег рядом, лицом к ней. Тед пристроился сзади, успокаивая дыхание.

Она смотрела в глаза Ника и чувствовала только блаженство. Она смогла. Доверилась. Отпустила.

И это переросло в нечто большее. Разрушило невидимые рамки, которые всю жизнь сдерживали ее. Их слова наконец стали ее реальностью. Она их прожила. Только что.

Ник потянулся к ее щеке — и тут раздался треск.

Бац.

Матрас с грохотом рухнул вниз. Теперь все лежали на нем прямо на полу. Они сломали кровать. Втроем.

Ханна замерла и посмотрела на Ника — тот завис.

Обернулась на Теда: он все так же смотрел в потолок, подняв бровь.

И все трое разом расхохотались.

— Если мы собираемся продолжать в таком же темпе, сменя кровать. — Тед откинулся на подушки и закрыл глаза.

Ханна укуталась в одеяло и посмотрела в потолок.

Собираемся продолжать... Определенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.